

Пролог

Взвывшая сигналка заставила заскрипеть зубами и убрать щуп, с помощью которого я считывал данные с объекта. Правила безопасности в этой лаборатории были просто драконовскими, поэтому, чтобы не быть выдворенным с работы, от которой я нахожусь в постоянном экстазе, приходилось этим правилам подчиняться беспрекословно. Наличие же камер исключало различного рода хитрости со стороны персонала.

Аккуратно положив щуп в специальную выдвижную емкость с дезинфицирующим раствором, я вышел из камеры и попал в шлюз, где на меня обрушились мощные струи воды, пены и сбивающие с ног потоки воздуха. После обработки я уже смог выйти в «грязную раздевалку», где стянул защитный костюм и засунул его в бак. Кто убирал костюмы из бака и затем подвергал их глубокой обработке, меня волновало мало, главное, что кто-то этим занимался. Оставшись абсолютно голым, прошел в душевую, где тщательно вымылся, затем через

комнату с УФО-облучателями, в которой меня высушили все те же потоки стерильного воздуха, вышел в уже обычную раздевалку и быстро оделся в свою одежду. Я уже завязывал кроссовки, когда дверь в раздевалку открылась и в нее зашла представительная делегация во главе с директором нашего засекреченного института, работающего на благо отечественного обороностроительного комплекса. В толпе замелькали погоны с маленькими звездами, но в большом количестве, и большие звезды, от блеска которых можно было ослепнуть, а среди них скромно белели несколько лабораторных халатов.

— Василий Эдуардович, что случилось? — я вскочил с лавки, на которой сидел, плюнув на не завязанный кроссовок, благодаря всех богов, что одевался быстрее, чем они шли, потому что предстать перед комиссией, а то, что эти звездные генералы могли быть только проверяющей комиссией — это ежу понятно, в чем мать родила — удовольствие так себе, ниже среднего. — Тревога...

— Это была учебная тревога, Романов, — ректор тяжело вздохнул. — Чтобы показать генералу Курову, что ученые тоже могут быть дисциплинированными и ответственными.

Захотелось грязно выругаться. Они вообще представляют себе, насколько сложно хотя бы подойти к объекту? Не говоря уже про

то, что все эти бесконечные раздевания-одевания и помывки скоро приведут к тому, что у меня все волосы вылезут, везде. А ведь мне еще тридцати нет. А еще обиднее из-за того, что именно сегодня объект не проявлял вообще никаких волнений, спокойно давал себя исследовать... Так, Романов, спокойно, вдох-выдох. Надо терпеть. Как говорится, диссертация требует жертв. Остается только надеяться, что не с моей стороны.

— И что же исследует этот ваш Романов, что требует такой секретности? — генерал Куров повернулся к Резнику, напрочь игнорируя меня, словно меня здесь вообще нет и они говорят о каком-то другом Романове. Ненавижу вояк, особенно таких вот, как этот — заикленных на уставах и приказах. И вот как ему объяснить, чем же здесь занимается Романов, чтобы он мозг себе не свернул? Резник тем временем вздохнул.

— Мы не знаем, что это за вещество, — он поморщился, увидев презрительный взгляд генерала и услышав недоуменное ворчание его свиты. — Это нечто совершенно новое и еще не изученное... Это материя, снятые первоначальные данные с которой напоминают по свойствам антиматерию, но потом они изменились на совершенно противоположные и начали напоминать свойства экзотической материи, и это... это нечто удивительное...

— И что она делает, эта ваша антиматерия?

— Это очень сложно объяснить...

— А вы постарайтесь, — Куров прищурился. — Потому что, если я не пойму ее ценности, я буду ходатайствовать перед Самим о снижение или даже полном прекращении финансирования данного объекта. В него и так уже о...лиарды денег влили, а результатов до сих пор никаких.

— А что, на новую дачу не хватает? — мне показалось, что я проговорил это мысленно, про себя, вот только злобный взгляд генерала, брошенный в мою сторону, убедил меня, что я лох, потому что произнес эту фразу хоть и очень тихо, но вслух.

— Вот этот слишком умный Романов мне сейчас все объяснит, а уж потом мы с ним мои дачи обсудим.

Я умоляюще посмотрел на Резника, но тот только плечами слегка передернул, мол, сам виноват, теперь выкручивайся.

— Единственное, что нам удалось выяснить — объект земного происхождения, и это наиболее удивительная новость из всех, которые нам удалось с него считать. Чисто теоретически с помощью объекта мы сможем стабилизировать пространственно-временные червоточины, то есть сделать более стабильным мост Эйнштейна-Розена, и тогда появится шанс... — начал выкручиваться я, но увидел

полное непонимание на лицах проверяющих, на Курова я не смотрел, чтобы не сделать еще какую-нибудь глупость. — Эм, в общем, смотрите, — я схватил свой ежедневник и вырвал из него лист, который скрутил в трубку и быстро закрепил, чтобы концы не расходились. — Представим, что вот это наша вселенная на протяжении всей ее истории. Если вдруг случится, что появятся два каких-нибудь объекта, астрофизики называют их «рты», которые начнут давить на пространство одновременно с двух сторон, то в итоге эти стороны сблизятся друг с другом критически близко. Настолько близко, что может произойти прокол, — я сжал бумагу, показывая, насколько смогут приблизиться две точки вселенной, а затем ударил в место этого прокола ручкой. — Вот это и есть червоточина. Видите, мы можем через этот прокол попасть к тому краю практически мгновенно. Вот только они нестабильны и практически мгновенно разрушаются. Но Эйнштейн предположил, что существует некая «экзотическая материя», которая может сделать червоточину более стабильной...

— Я знаю эту теорию, — Куров ощерился. — Не считайте, что к вам прислали идиота в погонах. Вы думаете, что нашли «экзотическую материю»?

— Мы не знаем. Василий Эдуардович же только что вам это сказал, — я бросил бумагу

на скамью. — Объект нестабилен. Он постоянно меняется. То он показывает все свойства вещества, то антивещества, то вообще не пойми что. У меня иногда складывается впечатление, что он может быть одновременно и «ртами», и стабилизатором моста.

— Разве такое возможно даже чисто теоретически? — Куров задумчиво провел пальцем по губам.

— В том-то и дело, что нет, — я развел руками.

— И вы считаете, что, изучив этот объект, мы сможем путешествовать во времени?

— Ну, почему бы и нет? Только зачем?

— Чтобы изменить историю, например, — генерал криво усмехнулся.

— Я считаю, что историю невозможно изменить, — твердо ответил я.

— А как же «эффект бабочки»? — в голосе Курова появилось ехидство.

— А как же принцип самосогласованности Новикова? — мы смотрели друг другу в глаза, словно больше в этой раздевалке никого кроме нас не было.

— Простите, а что это за принцип Новикова? — в наш диалог умудрилась влезть какая-то дамочка в военной форме.

— Если совсем кратко, то при перемещении в прошлое вероятность действия, изменяющего уже случившееся с путешественником собы-

тие, будет близка к нулю. То есть, что бы ты ни делал, как бы ни старался изменить прошлое, а соответственно настоящее, ты не сможешь этого сделать, потому что все твои действия уже учтены историей. Также считается, что путешественник во времени не может изменить прошлое, потому что для него оно уже произошло. Но чисто теоретически это могут сделать аборигены, если их правильно настроить и мотивировать, ведь для них будущее еще не настало. — Куров уже откровенно усмехался.

Да кто ты такой, мать твою? Ты не простой вояка, это ежу понятно. Так четко изложить одну из сложнейших теорий — это нужно постараться. У меня бы так не получилось. Я, кажется, ему завидую.

— А вы сами как считаете? — внезапно спросил я генерала.

— Я считаю, что прошлое возможно изменить, вот только оно в этот момент перестанет быть нашим прошлым, а станет прошлым в параллельной вселенной. И да, я верю в теорию мультиверсума, если вы об этом. Но мы же рассматриваем лишь теоретические вероятности, не так ли? — Мы все синхронно, как болванчики, закивали головами. — Хорошо. Я хочу видеть объект.

— Это невозможно, — осторожно высказался Резник. — Объект слишком нестабилен,

и к нему нежелательно подходить никому, кроме нескольких ученых, с кем он уже как бы «знаком».

— Я не собираюсь к нему подходить, — Куров даже поморщился. — Я хочу понаблюдать за тем, как это сделает, ну, например, Романов. Это возможно?

— Да, в принципе, да, — Резник посмотрел на меня умоляюще.

Я же вздрогнул от нехорошего предчувствия. Объект не любит, когда к нему бегают туда-сюда, я не хочу рисковать. Но взгляд директора обещал мне блаженство, если я сейчас снова надену костюм и постою рядом с объектом. Кивнув, я стянул с ноги так и не завязанный кроссовок и забросил его в свой шкафчик. Директор тут же начал махать руками:

— Прощу, пройдите за мной в зону наблюдения, не будем мешать Петру Алексеевичу облачаться в защитный костюм.

Подойти к объекту было гораздо проще, чем уйти от него. Зайдя в камеру, я встал у стены, даже не делая попыток приблизиться к начавшему разворачивать свои щупальца-протуберанцы объекту, внешне напоминающему небольшое солнце, только не настолько горячее и яркое.

— Каково его происхождение? — я услышал голос Курова через канал включенной внутренней связи.

— Я же уже сказал, мы не знаем точно. Только то, что в его составе нет ни единого элемента неземного происхождения. Исходя из этого мы сделали вывод, что он все-таки с Земли, но откуда именно... Однажды он внезапно появился посреди камеры. Просто появился, без малейших посторонних действий с нашей стороны. У нас очень много теорий...

В этот момент в камере начало происходить нечто странное. Объект немного увеличился в объеме, а затем принялся стремительно сужаться прямо посередине, словно намереваясь разделиться пополам.

— О боже... — в голосе генерала появилась такая гамма различных чувств, что я даже не сумел выявить основную.

— Это одна из теорий, — Резник, похоже, не замечал, что творится в камере. — Какого черта происходит?! — О, а теперь заметил. — Романов! Петя! Выходи оттуда!

Да я и сам вижу, что пора сваливать. В громоздком костюме двигаться было очень неудобно, но я старался из-за всех сил пошевеливаться. Как только я начал движение, объект принялся стремиться к разделению гораздо быстрее. Меня охватила паника. Я что есть сил поспешил к выходу из камеры, и когда уже практически достиг его, огромный красно-черный шар, который и был объектом, с негромким хлопком разделился надвое. От обеих

половинок в разные стороны пошли флюктуации, видимые невооруженным взглядом, которые накрыли меня, отшвырнув к стене со страшной силой. Это последнее, что я видел, а пронзившая спину боль была последним, что я почувствовал.

* * *

Искоруженное тело в порванном защитном костюме, бывшее совсем недавно подающим большие надежды ученым-физиком Романовым Петром Алексеевичем, бережно вынесли из камеры двое людей, облаченных в защитную одежду. Объект, который после гибели исследователя снова соединился в единое целое, неподвижно висел в стороне и не демонстрировал ни малейшей активности, но выносящие тело все равно с опаской посматривали в его сторону, стремясь как можно быстрее уйти из камеры.

— Мне жаль вашего человека, — генерал Куров смотрел на потерянного директора института Резника без малейшего сочувствия, — но работы с объектом должны быть продолжены. Я сообщу, что это направление весьма перспективно.

— Но... Петя...

— Это всего лишь побочные потери, Резник. Такое иногда случается, — резко оборвал его генерал. — Возьмите себя в руки и продолжайте исследования.

— Конечно, мы не бросим заниматься объектом, — Резник тряхнул головой. — Романов не первый ученый, погибший во имя науки, и далеко не последний.

— Ну вот и отлично, я рад, что мы поняли друг друга, — Куров потрепал директора по плечу и поспешил уйти из института, чтобы сообщить о результатах проверки.

Глава 1

Тяжелый, удушающий запах ладана затуманивал мозг, раздающийся со все сторон шепот напоминал гул прибоя и вызывал неосознанную панику, а раздавшееся совсем рядом: «Миром Господу помоли-и-мся», — пропевшееся раскатистым сочным басом, чуть не довело до кондрашки, заставив содрогнуться всем телом.

Что происходит? Что, вашу мать, происходит? Я только что пытался убежать от проявившего непонятную активность объекта, а сейчас стою... где, черт подери, я стою?! На руку капнуло что-то обжигающее. Опустив глаза, увидел, что держу в руке восковую свечу и расплавленный воск капает мне на пальцы, обжигая, но, как ни странно, приводя в чувство.

«Упокой, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечного преставлевшуюся рабу Твою, сестру нашу Наталию...»

В груди все сжалось, а горло перехватило готовое вырваться наружу рыдание. Наташа, Наташенька, сестренка, как же так? За что ты забрал эту душу безгрешную?

Стоп. Какая Наташа? У меня нет сестры Наташи. У меня вообще нет родственников, я сирота с позапрошлого года, когда мои родители погибли в автокатастрофе. Что произошло...

— Государь, пора прощаться.

Я резко обернулся и уставился на шепчущего мне в ухо парня... мужчину... я не могу понять, какой у него возраст, потому что его рожа посыпана какой-то пудрой, а на башке нелепый парик с буклями... Что?! Какой парик с буклями?! Мой взгляд опустился ниже: длинный камзол, белые чулки, панталоны чуть ниже колен с бантами, на ногах туфли тоже с бантами... Меня объект зашвырнул на какую-то реставрацию? В музей? В мой персональный ад, где главным чертом моя историчка подвизалась? Потому что я, как и все уважающие себя физики-математики, гордо игнорировал гуманитарные науки, кроме, разумеется, иностранного языка, которых я теперь знаю аж целых три и без знания которых хрен бы мне по всей морде, а не аспирантура, и совсем не учил историю, полагая, что нам преподают лажу и что история — это псевдонаука, которую всегда пишут победители, причем так, как

им это вздумается. Нет, учил, конечно, но спустя рукава, на зачет, опять-таки ради аспирантуры, наука требует жертв, что ни говори.

— Государь, пора попрощаться. Сейчас вынос тела...

Иван Долгорукий, внезапно пронеслось в мозгу молнией. Друг сердечный Ванька, товарищ по всем проказам, как в детстве, так и в отрочестве...

Я попятился и налетел спиной на попа в рясе, стоящего так близко ко мне... А почему поп стоит так близко? Разве так можно? Они же вроде дистанцируются от прихожан, или нет? Я не знаю, я не так чтобы часто церковь посещал, точнее никогда. Поп тем временем так интенсивно размахивал кадилом, что с него искры летели в разные стороны. А еще он совершенно не ожидал такого вероломного нападения сзади. Развернувшись, чтобы посмотреть на нечестивца, который позволил себе вытворять подобное, он в этот же момент в очередной раз размахнулся кадилом... Блямс! Тяжеленная штукавина это их кадило, я вам скажу, как только в себя приду. Сведя глаза к переносице, я начал оседать на пол.

— Государю плохо! — раздалось со всех сторон. — Медикуса, живо!

— Государь умирает!

— Ой, люди добрые, что же это творится-от? Не успела Наташенька свет Алексеевна

преставиться, так и государь наш Петр Алексеевич за сестренкой своей...

Сознания я не потерял, но осознавал, как меня куда-то волокут, так, будто видел сон, словно со стороны, вот только себя я в этом сне не видел, только ряженных в нелепых париках. В лицо ударил холодный воздух, немного приведший меня в чувства. Резануло по глазам ярким светом, особенно ярким после полутемного помещения собора, который тут же выдавил жгучие слезы, застилающие глаза, и заставил зажмуриться. Поэтому я не видел ни куда меня везли, ни на чем. Все происходило на уровне чувств. Меня бережно подняли, уложили на что-то мягкое и закутали в одеяло, или какой-то его аналог. Судя по ощущениям, это был не автомобиль, не было ощущения замкнутого пространства и резких, присущих даже самым дорогим авто запахов. Та штуковина, на которую меня уложили, резко дернулась и покатилась, а конное ржание и немного неровный ход, рывками, не давали простора воображению, оставляя всего одну версию: то, на чем меня везли, тащила за собой лошадь.

Очень скоро мы остановились: и лошадь, и то, на чем меня везли, ну пусть будут сани, все-таки снег, мороз, холодящий не укутанные щеки и нос, явно это зима, и, соответственно, я сам — остановились. Меня снова схватили несколько рук и снова куда-то потащили. И хотя

я пришел в себя уже окончательно, только лоб сильно болел, куда меня поп благословил, но открывать глаза боялся, поэтому всю дорогу изображал из себя труп.

Пока меня тащили, создавая при этом определенную суматоху, я пытался прислушиваться, чтобы понять глубину собственного бреда, но все, в чем я преуспел, это понимание, что я государь и, похоже, умираю, а ведь буквально только что Господь забрал у них у всех Наталию Алексеевну, и что же теперь им всем делать, горемычным?

Распахнулись очередные двери, меня весьма аккуратно, надо заметить, водрузили на нечто мягкое, как я понимаю, это кровать, при этом даже не стащив с ног обувь, и опять начали голосить что-то про лекаря или медикуса, я так и не понял, чем они отличаются друг от друга. Какого на хрен лекаря? Я не позволю себя иглоками тыкать, им только дай волю, сразу же поллитра крови сцедят и другие физиологические жидкости выдавят. Чтобы прекратить это безобразие, я решил приоткрыть один глаз. И сразу же наткнулся взглядом на сидящего на моей кровати Ивана Долгорукова. Это что, шутка юмора такая? Я же вроде государь, тогда почему он сидит в моем присутствии, да еще и на моей кровати! Или я государь, хм, весьма специфических нравов, настолько специфических, что мой явный фаворит может себе и не

такое позволить? Нет-нет-нет, только не это. Я нормально отношусь к чужим извращениям, но ровно до того момента, пока они не коснутся непосредственно меня самого. Так что а не пойти ли тебе, Ваня, погулять?

— Не надо лекаря, и медикуса тоже не надо. Я хочу побыть один, — а голос-то у меня как ослаб и какой-то высоковатый стал. Это, наверное, от волнений и неприятностей с объектом он у меня на две октавы повысился.

— Но, государь, Петр Алексеевич... — начал был Долгорукий, но тут уж я не выдержал. Мне крайне важно понять, что происходит, а для этого мне нужно остаться одному.

— Все вон! Оставьте меня! — я вскочил на колени и указал рукой, я надеюсь, что в том направлении была все-таки дверь. — Я хочу побыть один. Мне нужно... — я лихорадочно соображал, что же мне нужно такого, что заставит их убраться, потому что, что бы ни думали о разных государях, всей полноты власти и влияния даже вот на такие моменты у них не было. Как там в популярной когда-то песенке пелось: «Все могут короли... но жениться по любви не может ни один король». Хоть и не все. Петр, который первый смог, Луи, который Четырнадцатый, тоже смог, но уже в конце жизни и тайно, но смог же! Что-то меня куда-то не туда понесло, но это понятно, стресс и все такое... Что же, что же... о, придумал. —

Мне необходимо помолиться за душу Наташеньки, вымолить у нее прощение, — не знаю, насколько я донимал сестру, но прощение всегда есть за что просить, у любого члена семьи.

Я не смотрел на тех, кто находится в комнате, столпившись вокруг кровати, отметил только, что одеты они примерно как Долгорукий. Отличия были незначительные и касались прежде всего париков. Краем глаза уловил, что они молча уходят, а кто-то начал креститься и что-то бормотать себе под нос, вероятно, молитву, но иногда до меня доносилось что-то про «дедову кровь», непонятно, но это не главное, потом разберусь. Я же продолжал смотреть на Ивана. Тот в свою очередь задумчиво смотрел на меня, словно стружку снимал. Очень расчетливый взгляд. Не хочется ему оставлять меня одного в такой момент, ой как не хочется, а с другой стороны, не оставить тоже не может, не поймут-с. Наконец он принял решение. Тяжело вздохнув, Иван Долгорукий поднялся с кровати и, прежде чем уйти, очень четко проговорил:

— Ежели что, я буду тут за дверью. Зови при любой надобности, Петр Алексеевич, — поклонившись, он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я некоторое время смотрел в ту сторону, куда он ушел, а затем соскочил с постели и принялся метаться по комнате в поисках зеркала, потому что что-то мне подсказывало,

что никакая это не реставрация и что я выгляжу немного не так, каким привык видеть себя в зеркале за последние двадцать шесть лет. Это было невероятно, но слишком уж правдоподобно выглядел Иван Долгорукый, чтобы сойти за реконструктора, так же как и все остальные.

Зеркало нашлось в обширной гардеробной, где вдоль стены висели километры различных камзолов, мундиров, сорочек, панталон, чулок и прочего весьма необходимого каждому уважающему себя мужчине добра. Отдельно стояли разнокалиберные туфли, многие из которых были украшены драгоценными камнями или весьма удачной имитацией, с обязательными бантами и пряжками, и все на каблуках, иногда весьма высоких. Хорошо, что не шпильки, и то радость. Так же в ряд выстроились сапоги типа ботфорты, все вычищенные так, что в отсутствие зеркала вполне можно в них посмотреться. Ну и различные шляпы, куда же без них. Зеркало было огромное, во весь рост в резной раме, завешанное белой тряпкой. Ну конечно же, траур, такое дело, но, надеюсь, Наташенька простит своего непутевого брата, — так думал я, рывком срывая тряпку, закрывающую зеркальную поверхность.

На меня смотрел подросток лет тринадцати-пятнадцати. Высокий и нескладный, как и все подростки этого возраста, но уже с наметками на хорошую фигуру. В нелепом парике. Я стя-

нул парик и подошел к зеркалу поближе. Темно-карие глаза, высокий лоб под длинными темно-русыми волосами, длинный нос, чуть заостренный подбородок — это лицо к тому времени, как парень достигнет зрелости, еще несколько раз может поменяться. Но не урод, однозначно. Почему я думал, что старше? Ну конечно, я старше, мне двадцать шесть лет... Нет, мне тринадцать... И я...

Я схватился за голову, которую словно начало рвать на части. Кто я?! Я — Романов Петр Алексеевич. С этим согласились оба моих альтер эго. Виски снова прострелила боль, и я, задыхаясь, упал на пол, между туфлями и ботфортами, сжимаясь в комок и с трудом сдерживая рыдания.

Боль отступила внезапно, так же, как и пришла, но я все еще лежал на полу и боялся пошевелиться. Боялся, что она вернется, заставляя корчиться на полу, не в состоянии даже позвать на помощь. Наконец, перевернувшись на спину, я начал рассуждать более рационально. Точнее, словно на мгновение раздвоившееся сознание стало единым, это хорошо, значит, это не шиза. Одновременно с этим пришло полное понимание того, что произошло и что со мной сотворил гребаный объект. Итак, я Романов Петр Алексеевич, двадцати шести лет от роду, попал в Романова Петра Алексеевича, тринадцати лет от роду. Я помню некоторые

вещи, которые знал он, но это больше похоже на последствие, остаточное затухающее эхо совсем недавно функционирующих электрических потенциалов, так что долго надеяться на эту память не следует. Нужно, пока это возможно, «вспомнить» как можно больше, чтобы избежать ненужных вопросов.

Шокирован ли я? Признаться, очень. Но мы так часто рассуждали на эту тему, так часто строили предположения, что это возможно, или будет возможно, как только объект раскроет перед нами хотя бы частичку своих тайн, что я уже даже представлял себя не раз в подобном положении. Ведь во время экспериментов могло произойти всякое, что, собственно, и произошло, а так как я был ведущим специалистом, исследующим объект, то в очереди на его воздействие, каким бы оно в итоге ни оказалось, стоял под номером один. Что опять-таки и случилось. Конечно, я не думал о плохом, работа меня захватила с головой, но исключать все возможности я, естественно, не мог. Так что я не могу сказать, будто такое положение дел убило меня наповал, нет. Вот только, судя по всему, по червоточине перенеслось только мое сознание, в виде... ну не знаю, электромагнитного импульса, я не изучал подобных перспектив, который, попав в моего полного тезку, как самого близкого по определённым параметрам донора, напрочь выжег этого самого тезку из

реальности, оставив лишь быстро затухающее эхо от его пребывания в этом теле. А что в таком случае произошло с моим телом? Не знаю, и на данном этапе знать не хочу. Это не критичная величина, во всяком случае пока. Я же не могу быстренько изобрести и каким-то образом сотворить объект, который бы перенес меня обратно. Так что пути назад для меня нет, даже чисто теоретически. Печально, но ничего не поделаешь.

И что же мне делать? А что я могу сделать? Только жить. Потому что существует принцип самосогласованности Новикова, который невозможно не учитывать, особенно в моей ситуации.

Я поднялся с пола и еще раз посмотрел на себя в зеркало. Ну что, пацан, будем эпатировать публику, отказавшись носить эти блохогенераторы? Я повертел в руке парик. Будем, но не сейчас. Сейчас мне главное понять, кто я такой, чтобы хотя бы примерно представлять, что ждет меня в этом новом для меня будущем.

Как бы плохо я ни знал историю, знал я ее достаточно для того, чтобы точно сказать: Романовых Петров Алексеевичей на престоле Российской империи было двое, и у каждого их них была сестра Наталия. Я бы расхохотался, не будь все так непросто на самом деле. Итак, первый Петр Алексеевич не подходит, потому что в столь юном возрасте не носил париков

и не слишком любил Долгоруковых, которые были всю жизнь в контрах с его дружкой сердешным Александром Данилычем, а Иван, великовозрастный друган, как раз Долгорукий и есть. Самый что ни на есть князь, надо же. Значит, остается только внук первого Петра, Петр Второй Алексеевич. Что я о нем помню? Да ни хрена я о нем не помню, потому что подросток на престоле — это всегда мощно. Балы, охота, бабы, кони... Что там еще? Помню, читал забавную книженцию про то, что это самый Петручио, в тело которого вбило мои электроны, в свои неполные пятнадцать успел попробовать все, что может предоставить жизнь: вино рекой, неразборчивые связи, травка... нет, последнее не из этой оперы, но трубку он курил, как паровоз. Он, кажется, даже в собственную тетку был влюблен со всем пылом своих пубертатных, наполненных гормонами, годов. Интересно, а там что-то было? Нет, не помню. Что еще? Еще был Верховный тайный совет, все те же Долгорукие и отправление Меншикова в Сибирь. Вот вроде бы и все. Ах да, этот самый Петр Второй совсем ненадолго пережил свою сестру Наталью, которую сегодня хоронили. Он, то есть я, умрет через год от оспы, если я ничего не предприму. А что бы я ни предпринял, это уже учтено историей! Принцип самосогласованности Новикова, чтоб его! Значит, мне остался год, всего год!

Тут я не выдержал и все же расхохотался. Я хохотал и хохотал, пока не понял, что рыдаю навзрыд, уткнувшись в подушку, на которую упал, даже не осознавая, что делаю. Это просто истерика, обычная банальная истерика, которая скоро должна пройти. Наверное. Я, во всяком случае, на это очень сильно надеюсь. Но она не проходила, и рыдания продолжались перемежаться с хохотом, и от бессилия я бил кулаком подушку и пытался понять, что же мне сделать, чтобы изменить историю хотя бы в самой малости — не сдохнуть через год от черной оспы! Прививки еще не придумали, и эта зараза выкашивала население, собирая очень большие жатвы. А еще, как показала практика, она не щадила никого — вон целый император от нее скоро окочурится. Когда там Дженнер свои исследования опубликует? Слишком поздно для меня он их опубликует. Что же делать? Что мне делать?! Почему именно со мной сработал объект? Я не просил об этом и не хотел, я не хотел! Почему именно сюда и именно в этого мальчишку, которому жить осталось год? Постепенно рыдания начали стихать, пока не перешли во всхлипывания. Ну ничего, я же еще жив? Значит, поборемся.

Найдя за занавеской таз и стоящий тут же кувшин с водой, я умылся, отыскал в секретере писчие принадлежности и принялся тщательно вспоминать, что же случится за следующий год

и на что я смогу повлиять, чтобы переломить этот чертов принцип. Может быть, если мне удастся сделать это раньше, то история, дойдя до развилки, свернет в другую сторону? Да, появится альтернативная версия развития этого мира, потому что в моей истории Петр Второй умрет в январе 1730 года, и этого не изменить. Ну и что? Меня это вообще должно волновать? Я жить хочу, между прочим. А жить и здесь можно, и к ночным вазам привыкну, не к такому привыкал.

Итак, 1729 год. Чем он примечателен? Да ничем он не примечателен. Вообще инертный год. Из того, что помню: Меншиков умрет, ну и хрен с ним. Петр зарубит идею о строительстве кораблей и модернизации армии, вот это можно попробовать остановить, но такие дела за один год не делаются, хотя попробовать можно. Так, пункт номер раз: я поставил на бумаге единицу и кляксу вместо точки. Выругавшись, достал новый лист, потому что пятно уже заняло почти половину листа. На новом листе единицу выводил тщательно и аккуратно. Затем написал «армия», а за цифрой два шло слово «флот». Но на любые подобные начинания нужны деньги, значит, под цифрой три — бюджет. Так, что еще? А еще была помолвка с Екатериной Долгорукой. Вот этот финт точно нужно остановить. И под цифрой четыре появилось имя княжны. Я помню об

этом потому, что княжна каких-то пары дней не дождалась, чтобы стать императрицей. Об этом я тоже когда-то читал. На этом мои знания того, что будет, иссякли. Еще раз посмотрев на список, я скатал его в трубочку и сунул в секретер.

Дверь отворилась, и без стука вошел Иван Долгорукий.

— Государь, я хотел бы предложить вам посетить...

— Нет, — я покачал головой. Мне нужно время, чтобы освоиться. Подучить язык со всеми его старинными наворотами, покопаться в библиотеке. — Я объявляю траур по Наташеньке и собираюсь провести его в молитвах и покаянии.

— Но...

— Никаких «но», Ваня. Или ты хочешь оскорбить память великой княжны? — я, прищурившись, посмотрел на него. Это был вопрос-ловушка, один их тех, на который невозможно ответить отрицательно. И Иван ответил именно так, как от него требовалось.

— Ты прав, Петр Алексеевич, это я, дурень, только о твоём спокойствии думал, а об упокоении души Наталии Алексеевны и позабыл, — он наклонил голову, показывая, как сильно раскаивается. — Хоть ближников своих прими, которые за тебя радеют и денно, и ночью.

— И кто же так сильно ратует, что рискует нарушить прямое царское указание?

Говорить было трудно. Я понимал, что не попадаю ни в ритмику плавной тягучей речи, и постоянно пытаюсь вставить современные мне словечки. Поэтому приходилось за каждым словом следить, чтобы не сболтнуть лишнего.

— Елизавета Петровна из церкви прилетела, голубка, только увидела, как тебя сморило прямо перед гробом Наталии Алексеевны. Едва дождалась, когда служба закончится, чтобы о здоровье твоём все разузнать.

— Ну раз прилетела, то пушай войдет.

Дверь закрылась, и дальше я действовал скорее по наитию: сбросил сапоги, камзол прямо на пол, нырнул под одеяло и картинно приложил к голове руку.

Елизавета вошла стремительно, словно и правда летела, ловко поворачиваясь боком, чтобы не зацепиться фижмами своей пышной юбки за дверной косяк. И хоть платье ее было черного цвета, обильно украшенное жемчугом, но кружевной платок лежал у нее на плечах, а не покрывал голову, как это было положено в дни глубокого траура. Была ли она так красива, как ее описывали в своих мемуарах современники? Скорее всего, да. Но эта красота была другой, не той, к которой я привык, и потому несколько чуждая для меня. И уж тем более я не хотел ее, как, возможно, хотел Петр.

Я ведь специально ее допустил к себе, чтобы проверить реакцию собственного тела на присутствие женщины, будоражащей воображение Петра по всем когда-либо попадавшимся мне на глаза источникам.

Тем временем Елизавета подошла к кровати и села на ее край. Я невольно нахмурился, что за привычка садиться ко мне на постель? Неужели Петр это допускал и поощрял?

— Петрушенька, как же так, что за хворь на тебя напала? — она протянула руку в кружевной перчатке и дотронулась до лба. При этом наклонилась так, чтобы ее весьма обширное декольте оказалось едва ли не у меня перед носом. Хм, а ничего так, я скосил глаза, куда надо, и Елизавета, оставшись довольной моей реакцией, выпрямилась. — Я немедленно прикажу доставить сюда Лестока. Нельзя так не жалеючи относиться к себе, — она покачала головой. — Ты ведь перед всей Отчизной в ответе, не приведи Господи, осиротеет она без тебя.

Ну да, ну да, конечно, я верю, только лапшу с ушей сниму, но вслух я прошептал:

— Да, Лизонька, только ты меня понимаешь. Не нужно медиков, это я от волнения сильного духа лишился, но мне уже лучше. Только не покидает ощущение, что Наташенька смотрит на меня с небес и только головой качает, что стыдно ей перед ангелами за

Петрушку, брата своего беспутного. Вот, думаю, что в уединении и в молитвах покаяние вымолить, а там, может, и сжалится сестренка надо мною, подскажет, как дальше жить мне теперь.

— Ты на богомолье, что ли, собрался? По святым местам? Зимой? — Лиза впервые выглядела искренней. Как ни хотелось ей корону Российской империи на себя примерить, а понимала она, что пока ей выгодно, чтобы обожающий ее Петр жив был и относительно здоров, потому что после его смерти никто не знает, как может повернуться и в какую сторону. Верховный тайный совет имеет реальную власть, а за нее в нем только, пожалуй, Голицын. Остальные на себя начнут одеяло тянуть, что и закончится воцарением Анны Иоанновны. — Нет, ты как хочешь, Петруша, но я пришлю Лестока, попользовать тебя. Чтобы, ни приведи Господи, какую-нибудь тайную болезнь не пропустить. А то, как ты в церкви упал, живо мне батюшку напомнило. А ты весьма с ним схож, вон, даже иноземные послы об этом талдычат. Может, и хворь его тебе передалась.

А, точно, вроде бы согласно некоторым источникам, Петр Первый страдал эпилепсией, или падучей, как ее тогда называли. Вполне возможно, что болезнь перешла на его внука. Такие случаи известны. Ну, Лесток так Лесток. Надо же посмотреть на нежного друга Лизки,

который довольно долго фактически правил через постель, если верить злым языкам.

— Хорошо, Лизонька, только ты и печешься о моем здоровье, — я отнял руку ото лба. — Извини, родная, но устал я. Поди, позови Лестока, а то мне и впрямь нездоровится.

Если она и хотела посидеть с больным императором подольше, то ни по ее поспешному уходу, ни по выражению лица заметно этого не было. Ясно, моя болезнь — это повод для многих засвидетельствовать свое почтение и что-нибудь провернуть походя, не без этого. Но император я или не император? Хватит на сегодня посетителей.

— Иван! — заорал я, не найдя на прикроватном столике пресловутого колокольчика, в который необходимо было звонить, чтобы хоть кто-то потрудился выяснить, что же надобно государю-императору.

Дверь тут же распахнулась, и в комнату влетел Долгорукий.

— Ну наконец-то. Я уже думал, что могу и помереть, вот так всеми брошенный, и найдут мое тело остывшее, только когда вонять начнет.

Долгорукий побагровел от несправедливого упрека, но сдержался и ничего не ответил. Похоже, вспыльчивому Ваньке хвоста родитель его накрутил. Раз удалил из спальни, когда плохо себя чувствовал, значит, недоволен,

а там и до опалы недалеко. Вот и сидит возле дверей, спальню караулит, вместо того чтобы гулять и развлекаться, как привык.

— Я чем-то прогневал тебя, Петр Алексеевич? — Ого, а обида в голосе все равно нешуточная звучит. Но ничего, тебе полезно попервничать. А ведь видно, что действительно переживает за своего малолетнего патрона. Один, наверное, кто искренне беспокоится. Ну, тут тоже все понятно, Долгорукие без Петра — вообще никто, пережуют их и не поморщатся, есть за что переживать-то.

— Извини, Ваня, что сорвался на тебя, — я покачал головой. — Только нехорошо мне действительно. Может, Лиза права, и хворь дедова мне перешла?

— Да что ты такое говоришь, Петр Алексеевич? Пошто на себя наговариваешь?

— Вот поэтому и прошу, Ваня, надежного человека у дверей поставить и никого без моего на то указа не пущать. Только Лестока пропустить, его ко мне Лиза должна пригнать. Пусть медикус меня попользует, — я запнулся на этом слове, которое в мое время приобрело не совсем приличный оттенок, но затем решительно добавил: — И еще, Ваня, тебе самому незачем здесь дневать и ночевать. Ежели понадобится, я пошлю за тобой.

Долгорукий снова пристально посмотрел на меня. Сейчас было отчетливо видно, что

и остаться ему вроде бы надобно, и погулять хочется, я-то выгляжу вполне здоровым, вроде бы откинуть тапки в ближайшее время не собираюсь... Эти муки выбора были написаны на его породистом лице большими буквами. И, наконец, победила гульба.

— Воля твоя, Петр Алексеевич, я же, как раб верный, все исполню, как велено, — и он вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я же соскочил с кровати и расстегнул пару верхних пуговиц на рубахе.

Было душно, и от духоты да от перенесенной недавно истерики начала болеть голова. Болела она не так, как в то время, когда я катался по полу, стеноя от невыносимой боли, но довольно ощутимо, чтобы доставить определенный дискомфорт. Подойдя к окну, решительно его распахнул, впуская в комнату холодный зимний воздух. Сам встал недалеко от окна, чтобы ветром меня не слишком задевало — не хватало еще простудиться. Как тут лечат, лучше сразу идти и самому могилку себе выкапывать. Порыв ветра всколыхнул шторы и обдал меня холодом. Обхватив себя руками за плечи, я поежился, но в голове заметно прояснилось, хотя меня начинала подбешивать тормознутость мозговых процессов юного императора. Я-то привык думать совсем с другими скоростями. Петр же, похоже, не привык

думать вообще. Но он же император, мать его эти! Так же нельзя...

— Что вы делать, ваше величество?!

Я резко обернулся и посмотрел на высокого, довольно плотного господина, одетого по последней моде, в высоком парике. Глядя на его парик, я почувствовал, что меня начинает подташнивать от этого предмета. Судя по акценту, господин явно иностранец, а ожидаю я прибытия только одного иностранца — Лестока. Ну, здравствуй, шпион Шетарди. Или сейчас во франкском посольстве не Шетарди сидит? Как же плохо быть не в теме. Но господин Лесток ждет от меня ответа.

— Проветриваю комнату, господин медикус, а на что это еще похоже? — я кивнул на раскрытое окно.

— Зачем? Ви же нагонять много болезней через этот жуткий мороз.

Он действительно выглядел растерянным. Не привык бедняга к шизующим императорам. Ничего, или привыкнешь, или домой поедешь, вместе с Шетарди, или кто там в посольстве сейчас рулит, ну, или вместе с Шетарди на охоту пойдете на медведя с одними рогадинами, а там как знать, охота опасная, может и трагично закончиться, но с кем не бывает? А так как Франции ссориться с набирающей силу после победы деда над шведами Россией не с руки, они быстро утрутся и найдут вам замену. Свя-

то место, как известно, пусто не бывает, а вы не настолько большие шишки, чтобы ради вас рисковать испортить отношения. В это время войны и из-за меньшего случались, чем необоснованная предьява. Я, что ли, всех медведей у себя контролировать должен?

— У меня сильно заболела голова после приступа, а холодный воздух отпугнул боль, — совершенно искренне я попытался объяснить ему, зачем мне понадобилось выстужать комнату. — Здесь очень душно, наверное, истопники сегодня перестарались.

— Это недопустимо, ваше величестфо, — Лесток прошел через комнату мимо меня и решительно захлопнул окно. — Это антинаучно!

Ну конечно, наука прежде всего. Это я могу понять, я жизнью ради науки пожертвовал, вот только не в ваших устах, господин хороший. Я отвернулся и подошел к кровати. Подобрал с пола камзол, набросил его себе на плечи. Лесток же тем временем, проверив, насколько тщательно закрыто окно, подошел ко мне.

— Ваше величестфо, расскажите, что с вами произошло? — он очень хорошо говорил по-русски, вот этого у него было не отнять. Я покосился на лейб-медика Елизаветы и промолчал. — Ваше величестфо, не будьте ребенком. Ее высочестфо очень переживает. Боятся, как бы в вас болезнь Петра Алексеевича не проснулась.

— Я почувствовал головокружение в церкви и впал в беспамятство. Но там было слишкомлюдно и слишком пахло ладаном и горелым воском. Меня не била падучая, если ты об этом спрашиваешь. Так что царица Елизавета зря волнуется. Я много думаю о Наталии, сестре моей бедной, и мне плохо через это. Но это пройдет, — я махнул рукой. — Отмолю прощение у сестренки, и точно все пройдет.

— Хм, — Лесток подошел еще ближе и бесцеремонно схватил меня за руку. Нащупав пульс, он на минуту закатил глаза к потолку. — Покажите мне свой язык, ваше величество.

— А-а-а, — я послушно показал ему язык.

Лесток покивал с важным видом, отпустил руку.

— Ну что же. Я не вижу в вас признаков болезни, вы на редкость здоровый молодой господин, государь. — Он что-то прикинул и с некоторым сомнением произнес: — Может, кровопускание? Чтобы дурную кровь отвести?

— Нет, — я решительно покачал головой. — Не нужно мне кровь пускать, все же нормально.

— Как будет приказано вашим величеством, — Лесток изобразил сложный поклон и попятился к двери. — Но окно я вам как лейб-медик отворять запрещаю.

— Конечно-конечно, все будет исполнено, как доктор прописал, — я благосклонно ему

улыбнулся, но как только дверь за пронырливым французом закрылась, улыбка сползла с моего лица.

Я подошел к окну и снова распахнул его настежь, а сам сел за стол и принялся выводить письмо Голицыну, с просьбой прислать мне полный отчет, по поводу царской казны. Чтобы попытаться изменить пункты в моем списке под номером один и два, необходимы деньги, очень много денег, а что-то мне говорит, что денег в казне нет вообще.

Глава 2

Первым указом, написанным с моих слов и подписанным собственноручно, стал указ о соблюдении глубокого траура по великой княжне Наталии Алексеевне в течение месяца. На это время были запрещены все увеселительные мероприятия, такие как народные гуляния, для простого народа, и разные балы и ассамблеи для господ побогаче и познатнее. Указ вызвал определенное недовольство среди аристократии, а простому люду было пофиг. Понятия не имею, был ли такой указ в действительности Петра II. Даже если и не было, история проглотила этот финт не поморщившись, потому что он ни на что на самом деле не влиял. К тому же двор очень быстро нашел себе альтернативу,

многие начали устраивать званые обеды, плавно переходящие в нечто, напоминающее литературные вечера — когда под предлогом почитать вслух свои, в большинстве случаев дурные стихи все любители поразвлечься собирались у кого-то одного, дабы послушать эти шедевры. Ну а что, все приличия были как бы соблюдены: гости одеты были в темное, музыки, танцев и большого количества спиртного не было, какие претензии? Вот только с удвоенной силой стал звучать шепоток, что я-де ненавижу все начинания деда и пытаюсь загубить их на корню. Услышав это, я долго сидел в прострации — это было, черт возьми! Все, что известно о Петре Втором — он всячески пытался искоренить начинания Петра Первого. А ведь я пальцем для этого не пошевелил, всего-то обеспечил себе видимость уединения, чтобы в тишине и спокойствии разобраться в моем не слишком радужном положении. И так Ванька Долгорукый начал выражать сомнения по поводу моего нежелания кутить. Как оказалось, эти опе... очень нехорошие люди имели привычку завалиться с парочкой преображенцев к кому-нибудь, якобы в гости. Там они гуляли по полной, оставляя за собой кроме разломанной мебели еще и очень недовольных царем и его ближниками подданных. Растить недовольство я не мог, поэтому через неделю моего добровольного заточения родился очередной указ.

Согласно этому указу, император, то есть я, собственной персоной, дабы не смущать своим присутствием двор во время траура, удалялся в деревню, в дальнейшее имение, чтобы провести время в молитвах, чтобы заглушить горе от потери любимой сестры. От поездки на богомолье по святым местам меня отговорили, потому что действительно зима, и кто знает, что во время долгой поездки со мной могло произойти. В моей поездке меня должен будет сопровождать только Остерман, чтобы не прерывать обучение, хотя все прекрасно знали, как именно учится император и чему именно обучает Остерман. Но так значилось в указе, который Верховный тайный совет проглотил, даже не поморщившись. Им вообще было наплевать, где в данный момент я нахожусь, лишь бы был жив и мог подписать подсовываемые тем же Остерманом документы. Сам же Андрей Иванович расположением Совета не слишком пользовался, к нему относились скорее настороженно, потому что все помнили, кто именно способствовал падению с небывалых высот Меншикова. Так что моя поездка, да еще и со старым лисом — это же просто праздник какой-то. А нет меня поблизости, так не беда, вон Ванька Долгорукий прекрасно мою подпись умеет изображать, не подкопаешься. На особо важных документах подделку ставить поостерегутся, а вот на не

слишком важных — это запросто, не раз уже такое проворачивали, почему бы и не повторить пару разков?

«В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов»... Нет, в Саратов я, разумеется, не поехал, а вот то, что к тетке — так это прямо не в бровь, а в глаз оказалось. Деревней, в которую я подался, было Царское Село, которое все еще по старинке называлось Сарской мызой, и принадлежало оно Елизавете Петровне. Встречаться с Лизой мне не хотелось, хватило тех двух с половиной раз, во время которых она проверяла, насколько еще натянут поводок, постоянно то демонстрируя свои прелести, такой глубокий реверанс мало кто мог изобразить, зато я смог увидеть все, что находится у нее в платье, вплоть до талии, то как бы невзначай прижималась ко мне грудью, что-то говоря при этом томным шепотом с легкой хрипотцой. Если честно, то иногда меня даже понимало, как говорится. Я все положенные полчаса наших встреч тупо пялился на нее телячьими глазами, только что слюни не пускал, а потом, чтобы привести мысли в порядок, долго держал голову в холодной воде, постоянно гадая: эта дрянь все-таки совратила своего малолетнего племянника или все-таки нет? Ко мне пару раз еще навевывался Лесток, через которого я и намекнул, что двора в имении Лизы не будет и Петр едет туда практически в оди-

ночестве. Сказано это было вскользь, для того чтобы он передал эту последнюю сплетню царевне. Лесток меня не подвел, молодец! Все было передано Елизавете в течение ближайшего часа, после того как он от меня ушел. Она то уже приготовилась принимать императора и организовывать всевозможные увеселения, ну не мог я в ее понимании столько времени отказываться от привычных для Петра кутежей и обязательной охоты, сколько бы трауров ни было объявлено. Так что, как только огласили указ, Лиза расцвела и даже принялась узнавать, кто именно составит императору компанию, кроме нее самой, разумеется, короче, раскатала губу, но обломилась, как и все остальные жаждущие оказаться рядом с юным царем в такое удобное, как им казалось, время. Передумала Лиза ехать в родное имение раньше, чем туда отбыл горевать я, потому что черное ей не шло, и надевать глубокий траур даже ради «любимого» племянника она вовсе не собиралась.

Вообще за ту неделю, что я прятался от всех в Кремле, мне удалось выяснить потрясающую в своей охренительности новость — я единственный Романов, самый что ни на есть настоящий, оставшийся в живых. Других не было. Лизка — даже не в законном браке была рождена, Петр уже после ее рождения на своей «прачке чухонской» женился, разведясь

предварительно с моей бабкой, а розовощекий карапуз, портретиком которого мне нужно было положенное время восхищаться — Карл Петер Ульрих, тот, который должен будет стать следующим Петром, Третьим то есть, носил непроизносимую фамилию Гольштейн-Готторпский. Признаться, об этом факте я не знал и глубоко задумался на тему, а когда действительно прервался род Романовых? А получается, что на мне он и прервется, если я не придумаю, как обойти принцип Новикова, который действовал вопреки всему, что я пытался организовать, делая пока только робкие попытки хоть что-то изменить.

Обо всем этом я думал, пока ехал в Царское Село. Дорога была долгой, потому что прямую дорогу, которую начал строить Петр Первый, по какой-то, видимо, очень важной причине делать прекратили, и мне оставался только кружной путь мимо Великого Новгорода. Что существенно увеличивало время в пути. Оно и так занимало несколько дней, а так увеличивалось до недели — это в том случае, если дороги были хорошими и ничего путешественников на этих дорогах не тормозило. Вот! Вот чем я займусь первостепенно — дорогами. Если выживу, естественно. Потому что поступление информации вовремя и в кратчайшие сроки от точки А в точку Б — это порой играет первостепенную роль в любом начинании. Откинув-

шись на спинку сиденья, я прикрыл глаза и, чтобы хоть чем-то заняться, начал вспоминать все, что помнил о строительстве дорог. Предмет не был для меня профилирующим, но какие-то знания все равно осели глубоко на дне памяти. Еще бы каким-то способом почту национализировать, а то мысль о том, что она полностью принадлежит немцам, была какой-то... неправильной, что ли. Вот так и происходят революции — с захвата почты, телеграфа и телефона — с такими бессвязными мыслями, крутящимися в голове, я начинал дремать, усыпляемый мерным покачиванием кареты.

Карета стояла на полозьях, этакие сани с крышей, богатым убранством и печкой внутри. Серьезно, в карете стояла печка, чем-то напоминающая буржуйку. За ней нужно было постоянно следить, чтобы она не опрокинулась и не сожгла пассажиров к чертям собачьим. Для этого в карете, кроме меня самого и Остермана, постоянно находился специальный мальчишка, следящий за печью, ну и выполняющий мелкие поручения высокопоставленных особ, не без этого.

Со мной ехали две роты гвардейцев Преображенского полка, несколько слуг и Остерман, да еще духовник, приставленный Феофаном к моей персоне. Ну, не могу же я без духовника молиться, на самом-то деле. Вообще-то еще как могу, и первая моя победа заключалась именно

в том, что я отстоял свою независимость в уединении. То, что на улице стояла зима, помогло мне в этом, прямо скажем, нелегком деле. Наличие специального мальчишки в карете исключало возможность ехать в ней еще и духовника. Ну не влезал он, что теперь поделывать? Не Остермана же на улицу выбрасывать. Вот это точно будет не слишком здоровой идеей. Андрей Иванович при желании мог испортить жизнь не только Меншикову, но и мне самому, а я пока не обладал вообще почти никакой властью, чтобы противостоять хоть кому-нибудь из Верховного тайного совета. Пока только можно было лавировать. Потому что тут и Лизка хвостом метет, и Петер Ульрих где-то подрастает, претендентов хватает, чтобы ранний апоплексический удар государю табакеркой организовать. К тому же преображенцы практически полностью подчинены Долгоруким. И как мне их безболезненно отделить друг от друга, я пока даже не представляю. Поэтому я банально сбежал, чтобы не наворотить дел и не сократить и так слишком малый отмеренный мне срок, потому что вот так менять историю как-то не слишком хочется.

Чем же я собирался заниматься в Царском Селе на самом деле? Не оплакивать Наталью, это точно. Возможно, для Петра II она значила много, недаром же никто особо не удивился этому отъезду, но я эту девочку не знал, и,

хотя и сожалел о ее такой ранней смерти, но предаваться унынию не собирался. Мне бы за ней вскорости не отправиться, вот о чем я думал в первую очередь. Так что цели моего отъезда были не настолько благими, но какие-то цели, кроме банального бегства, я все же преследовал. Во-первых, мне необходимо было дистанцироваться от Ивана Долгорукова, пока под таким вот надуманным предлогом, а дальше будем посмотреть. А во-вторых, мне нужно было научиться разговаривать. Да-да, русский язык вроде бы мой родной, но не слишком-то мне давался. Он был тяжеловесным, избыточным различными выражениями, которые я лично считал лишними и которые вполне можно было опустить, но вот только опускать их категорически не рекомендовалось. И хорошо еще, что приходилось учиться говорить именно по-русски. Ведь спустя совсем немногим более полувека аристократы вообще перестанут изъясняться на родном языке, ну это понятно, больше бы правителей было на российском престоле с непроизносимыми немецкими фамилиями, глядишь, вообще бы Россией называться перестали бы. Так что, Петр Романов, лучше помолчи и поблагодари объект за то, что не закинул тебя куда-нибудь, где твои знания технических иностранных ну очень сильно быгодились. Остермана же я взял с собой именно потому, что Андрей

Иванович, в связи со своим происхождением, отвратительно изъяснялся на великом и могучем и вряд ли мог ткнуть пальцем в меня и завопить: «А царь-то у нас не настоящий!»

Правда, Остерман попробовал сказатьсь больным, как только до него донесли текст указа, уж не помню, что у него обострилось: подагра или мигрень, но я с грустной улыбкой, я ее полдня репетировал перед зеркалом, сказал своему тогда еще официальному наставнику, что прикажу перевозить его на носилках и буду собственноручно ухаживать за больным другом, только бы он не бросал меня в годину трудную, во время скорби безмерной по сестрице Наташеньке. Андрей Иванович выздоровел после этого не мгновенно, конечно же, но уже на третий день, когда мы садились в карету, он передвигался хоть и с помощью трости, но вполне самостоятельно, отвергнув идею перетаскивать его как бревно на носилках.

В общем, десятого декабря 1728 года императорский поезд, поражавший воображение своей скудностью, весь увитый траурными черными лентами, тронулся из Москвы, которая к тому времени уже практически снова становилась столицей Российской империи, в Царское Село, что раскинулось под славным деяниями деда Петербургом.

Дорога заняла без малого восемь дней, и это с учетом того, что ехали мы зимой и снег закрыл все основные прелести проселочной дороги этого нелегкого времени. Полозья императорских саней скользили легко, а лошадей мне предоставляли по первому свистку и только самых лучших. Вот только время дневное было зимой весьма ограничено, хоть я и настаивал на том, чтобы начинать двигаться еще до того, как полностью рассветет, и останавливаться на ночлег, уже когда на небе начинала светить луна, декабрь все равно сильно повлиял на продолжительность движения, увеличив и без того длинную дорогу.

И все же, несмотря на определенные трудности, мы, наверное, смогли бы доехать и быстрее, но, когда уже подъезжали к Великому Новгороду, налетела пурга. Уже к двум часам дня ветер усилился настолько, что не было ничего видно в пределах пяти шагов. Я с тревогой смотрел в окно, но сам не решался остановить наш поезд, полагая, что те люди, которые меня везут и охраняют, знают, что они делают.

Карета остановилась. Дверь распахнулась, в ее натопленное, жаркое нутро ворвался колючий холодный ветер. Сквозь пелену разыгравшейся не на шутку метели проступил силуэт офицера, с трудом удерживающего шляпу на голове, которую так и норовил с него сорвать,

подхватить и унести в неведомые дали завывающий диким зверем ветер.

Нужно форму менять, а то у меня так полармии сдохнет от банальной простуды, в угоду моде и красоте. И в первую очередь эти идиотские треуголки убрать и заменить нормальными шапками, — промелькнувшая в голове мысль засела в ней занозой и постоянно напоминала о себе все то время, пока я разглядывал борющегося с ветром офицера.

— Камер-юнкер Высочайшего двора граф Бутурлин, — проорал офицер, пытаюсь перекрычать ветер. — Государь Петр Алексеевич, необходимо остановиться, пока буря не утихнет! А то лошадей погубим и сами сгинем, весной поди косточки наши и найдут оттаявшие.

— Где? — мне тоже пришлось кричать ему в ответ. — В чистом поле?

— Здесь недалеко мое отческое имение расположено, даже не надо Новгород проезжать. Христом богом прошу, государь Петр Алексеевич, принять мое гостеприимство и переждать непогоду под сенью моего отчего дома!

— Как далеко имение?!

— Пара верст, государь! Прорвемся. Я покажу дорогу, не извольте сомневаться! Еще совсем пацаненком был, когда здесь всю округу облазал, не заплутаю, вот вам крест!

Ветер все нарастал, и я услышал, или мне почудилось, что где-то там невдалеке к вою ме-

тели присоединился слаженный волчий вой. Решение нужно было принимать немедленно. Но Бутурлин... Снова раздался волчий вой, теперь уже отчетливо слышимый, который стал значительно ближе. Черт с ним, я вроде пока рассориться с камер-юнкером не успел, не держит пока Александр Борисович Бутурлин на меня зла. А он уже с трудом удерживал тяжелую дверь кареты, которую пытался вырвать у него из рук ветер. А ведь еще и шляпу приходилось держать.

— Поворачивай! — закричал я.

И Бутурлин, кивком головы дав понять, что понял, навалился все весом на дверь кареты, пытаясь ее закрыть. Наконец ему это удалось, и карета принялась разворачиваться.

Лошади хрипели, с трудом пытаясь сопротивляться сбивающему их с ног ветру. Но мне-то еще куда ни шло, в мой возок запряжена шестерка, вшестером они справятся, а вот каково сейчас всадникам? Карета наклонилась так, что я едва не завалился на бок. Остерман же завалился и, грязно ругаясь по-немецки, пытался принять достойное положение, одновременно поправляя съехавший набок парик. Молодой парнишка, не старше меня, кинулся к печи, к которой был специально приставлен, чтобы не дать ей опрокинуться.

— Куда прешь, хочешь обгореть?

В карете можно было не орать, все и так было слышно, но мальчишка вздрогнул и уста-

вился на меня выпуклыми голубыми глазами. Похоже, не часто высокородные господа обращали на него внимание, считая чем-то вроде мебели, а уж сам государь император и вовсе впервые обратил на него внимание. Только вот, вместо того чтобы обрадоваться высочайшему вниманию, мальчишка почему-то испугался.

— Так ведь я не хваталками же поспособствую, государь, — пролепетал он и показал большую увесистую кочергу, которую все это время держал за спиной. Этой цельнометаллической огромной хреновиной вполне можно было кого-нибудь убить, ну, или поддержать небольшую печку, чтобы она не завалилась на пол, выплеснув при этом из себя полыхающие жаром угли, и не сожгла карету изнутри.

— Ты куда смотреть, холоп? — тут же отреагировал Остерман, заметив, что он, приоткрыв рот, во все глаза смотрит на меня, и даже замахнулся тростью на непочтительного мальчишку, осмелившегося рот при мне открыть. Мальчишка привычным жестом втянул голову в плечи, и почему-то мне это сильно не понравилось.

— Ну что ты, Андрей Иванович, — я перехватил его руку с тростью и кротко улыбнулся.

Остерман встрепенулся и подобострастно попытался раскланяться со мной в пределах довольно вместительной, но все же кареты. Я только покачал головой.

— Негоже срывать гнев на тварях, не могущих ответить, — я снова кротко улыбнулся, про себя думая о том, что вооруженный здоровенной кочергой парнишка еще как мог бы ответить, если бы не привитая с детства покорность вышестоящим. — Сестрица моя Наталия не одобрила бы, — я отпустил его руку и снова повернулся к съезжившемуся мальчишке. Пускай Остерман думает, что у меня слегка крыша съехала на почве горя, так даже лучше, пока во всяком случае. — Как тебя звать, отрок? — я прочувствовал, как это звучит в устах четырнадцатилетнего пацана, и едва не заржал, но сдержался.

— Меня-то? — удивление мальчишки было настолько велико, что мне даже стало неловко.

— Тебя-то, как меня звать-величать, я разумею. Так же как и Андрея Ивановича.

— Митька, — ответил пацан, продолжая пожирать меня взглядом. Карету качнуло, и он на секунду отвлекся, чтобы своей огромной кочергой придержать печь.

Я прищурился. А пацан-то сильный, я и поднять эту бандуру вряд ли смогу, а он вон как ловко ей орудует. Хотя я силушкой не обделен, проверил уже, когда едва шкаф с книгами не опрокинул. Удержал, убедившись заодно, что силен, совсем не на тринадцать лет.

— Митька, а по батюшке?